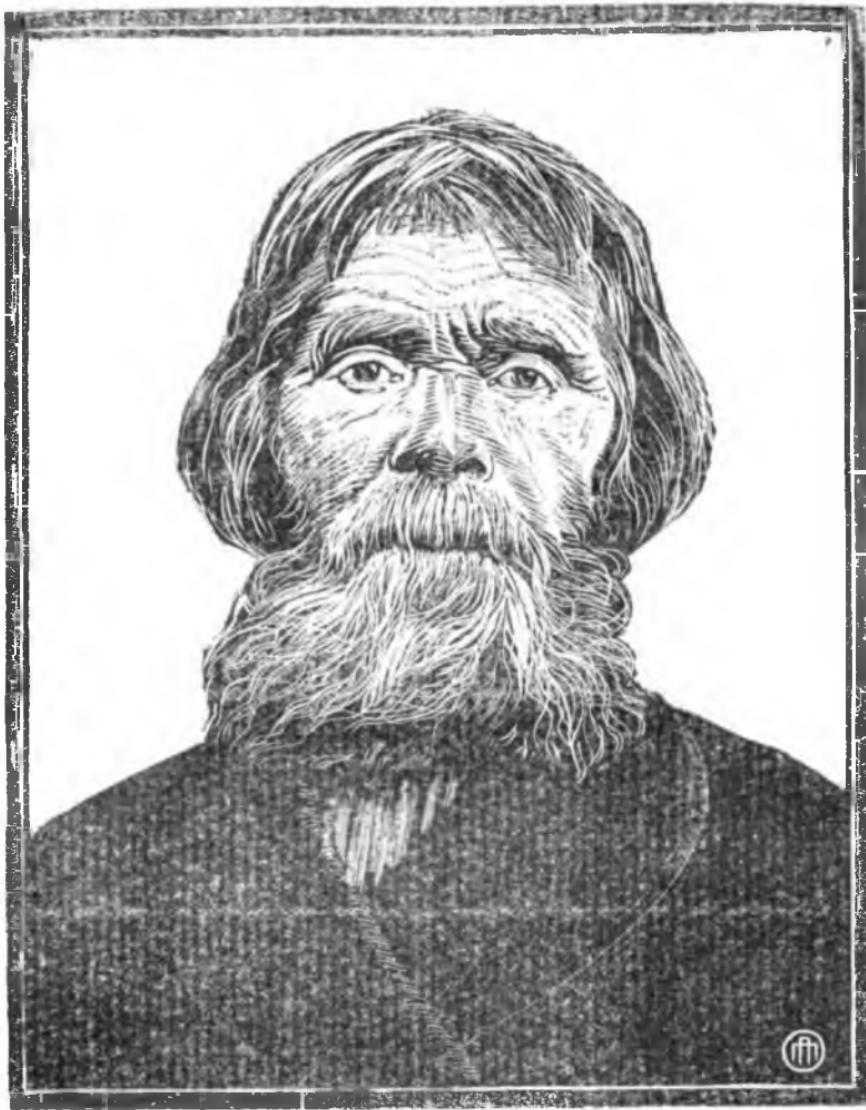

1. ТРОФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РЯБИНИНЪ

Трофимъ Григорьевичъ
Рябининъ

Рябининъ, Трофимъ Григорьевичъ, принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся сказителей Олонецкаго края, какъ по багатству своего былиннаго репертуара, такъ и по мастерству исполненія; интересенъ онъ и потому, что на его примѣрѣ отчетливо выясняется на значительномъ протяженіи времени та пѣвческая традиція, которая донесла до насть старую былевую пѣсню.

Внѣшняя его біографія не сложна: родился онъ въ концѣ XVIII ст. въ дер. Гарницахъ, Сѣнногубскаго погоста,сосѣдняго съ Кижскимъ (въ 1870 году, когда съ нимъ познакомился А. Ф. Гильфердингъ, ему было 78 лѣтъ), рано лишился отца и матери, взять былъ на воспитаніе „міромъ“. Подросткомъ онъ сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ, зарабатывая пропитаніе починкой сѣтей, ловушекъ и другихъ рыболовныхъ принадлежностей; во время этихъ странствій познакомился онъ со старикомъ Ильей Елустафьевымъ, занимавшимся тѣмъ же промысломъ (этотъ Илья, по словамъ Т. Г. Рябинина, умеръ въ 30-хъ годахъ девяноста лѣтъ отъ роду, т.-е., родился приблизительно въ первой половинѣ XVIII ст., стало быть, могъ быть пѣвцомъ, знаяшимъ традицію середины этого вѣка); онъ и положилъ, повидимому, начало пѣвческой дѣятельности Рябинина: по словамъ послѣдняго, Илья зналъ много былинъ, охотно пѣть ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него „понялъ“. Въ 1812 году Т. Г. Р-нъ поступилъ въ работники къ своему дядѣ Игнатію Иванову Андреевыхъ, который считался лучшимъ пѣвцомъ во всемъ краѣ; тутъ же, въ дер. Гарницахъ, жилъ Василій Софоновъ Сарафановъ (отецъ того пѣвца, отъ котораго записывалъ Гильфердингъ), также большой мастеръ по части былинъ; отъ него, какъ и отъ дяди, получалъ былины Т. Г. Р-нъ; кромѣ нихъ, онъ вспоминалъ въ качествѣ людей, обогатившихъ его репертуаръ, еще Ивана

Агапитовича Завьялова, умершаго еще въ началѣ XIX вѣка, Ивана Кокойкина (этотъ умеръ, по словамъ Рябинина, чуть не 100 лѣтъ), Федора Трепалина. Двадцати четырехъ лѣть (т.-е. приблизительно въ 1822—3 г.г.) Т. Г. Р-нъ женился и изъ Гарницы окончательно переселился въ дер. Середку (Кижской волости), гдѣ и зажилъ своимъ хозяйствомъ, главнымъ образомъ рыболовствомъ, отчасти землепашествомъ, достигъ здѣсь положенія обеспеченаго, исправнаго, хотя и не очень зажиточнаго человѣка. Изъ двухъ оставшихся у него сыновей (двоє старшихъ умерли на военной службѣ), жившихъ при отцѣ, одинъ—Иванъ—особенно пристрастился къ пѣшию былинѣ, хотя и другой также кое-что „поняль“ отъ отца. Изъ этихъ данныхъ біографіи Т. Г. Рябинина можно сдѣлать слѣдующіе выводы: при началѣ своей пѣвческой дѣятельности (судя по сказанному, она началась до 1812 г., когда онъ еще ходилъ съ Ильей Елустафьевымъ по заработкамъ) онъ засталъ былинную традицію середины, по крайней мѣрѣ, второй половины XVIII вѣка (т. е., времени, когда составился и сборникъ Кирши Данилова); все время до начала 30-хъ годовъ онъ вращался въ средѣ пѣвцовъ, по большей части выдающихся, и въ то же время также представителей традиціи того же XVIII вѣка. На основаніи всего этого можно Т. Г. Р-на считать представителемъ традиціи, притомъ хорошей, XVIII вѣка—въ XIX-мъ; видимо, „школа“, которую прошелъ Рябининъ, была въ общемъ изъ выдающихся: онъ изъ нея вышелъ замѣчательнымъ мастеромъ своего дѣла: П. Н. Рыбниковъ, записывавшій отъ него въ 1860-мъ году, такъ характеризуетъ его манеру: „напѣвъ былины (рѣчь идетъ о былинѣ про Хотена Блудовича) довольно однообразенъ, голосъ не очень звонокъ. Рябинину въ это время было уже подъ 70 лѣтъ; но удивительное умѣніе сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху; каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе“ (т. I, стр. LXXVI). И въ отношеніи къ богатству былевого матеріала памятливый Рябининъ усердно использовалъ своихъ учителей: судя по записямъ П. Н. Рыбникова и

А. Ф. Гильфердинга, репертуаръ Рябинина состояль изъ 26 отдельныхъ былинъ и ихъ отрывковъ, обнималь собою (если перевести его на стихотворныя строки) отъ пяти слишкомъ до шести слишкомъ тысячъ стиховъ. Вотъ его былинный репертуаръ :

1. Самсонъ богатырь (варіантъ къ былинѣ о Святогорѣ; ср. II, 98) 123 и „разскѣ“.
2. Святогоръ (ср. ниже, стр. 110) 23 и „разск.“.—.
3. Волга и Микула (отъ Игнатія; II, 7) 166 184.
4. Илья и Соловей (отъ Игнатія; I, 137) 233 272. Текстъ Т. Г. Рябинина.
5. Илья и дочь (отъ Игнатія; варіантъ къ „Ильѣ и Сокольнику“) 326 353.
6. Илья и Идолище (I, 172) 85 122.
7. Илья и Калинъ (I, 154) 289 616. Текстъ Т. Г. Рябинина.
8. Добрыня и Василій Казимировъ (отъ Завьялова; I, 43) 926 1023.
9. Дунай—сватъ (отъ Игнатія; I, 29) 297 453.
10. Иванъ Годиновичъ (отъ Трепалина; II, 205) 126 187.
11. Михайло Потыкъ (отъ Игнатія; I, 289) 23 57. Только начало: остального не помнилъ.
12. Михайло Потыкъ (варъянтъ предыдущаго) 187.—.

¹ Репертуаръ этого составленъ путемъ объединенія записей Рыбникова и Гильфердинга; при каждой былинѣ указывается: а) отъ кого Рябининъ получилъ ее, если это было сообщено пѣвцомъ и отмѣчено собирателемъ; б) текстъ былины соотвѣтствующаго содержанія въ настоящемъ изданіи (томъ и страница), при чемъ отмѣчается особо, если сюда принять текстъ именно Рябинина; в) наконецъ приводится цифра стиховъ каждой былины по записи Рыбникова и Гильфердинга, при чемъ знакомъ:—, обозначается, что та или иная былина не была записана тѣмъ или другимъ собирателемъ. Подсчитавши по стихамъ записи Рыбникова и при соединивъ къ нимъ цифру стиховъ былинъ, не вошедшихъ въ его запись, изъ записи Гильфердинга, получимъ въ общей сложности 5216 стиховъ; а подсчитавши тѣмъ же путемъ записи Гильфердинга, получимъ 6333 стиха, т.-е., приблизительную, приведенную выше, общую цифру.

13. Сорокъ каликъ (II, 56) 24 61. Только начало: остальное забыть.
14. Ставръ Годиновичъ (II, 148) 122—.
15. Хотенъ Блудовичъ (II, 164) 165 182.
16. Дюкъ Степановичъ (оть Кокойкина; I, 266) 452 567.
17. Василій Буслаевъ (II, 75) 90—.
18. Садко (II, 27) 39—. Только начало: остального не помнишь.
19. Иванъ Грозный и сынъ (II, 376) 228—.
20. Скопинъ Шуйскій (оть Игнатія; II, 414) 62 69. Конца не могъ спѣть.
21. Королевичи изъ Крякова (оть Игнатія) 320 306.
22. Горюшко 273 266.
23. Скора Ильи съ Владимиромъ (I, 181)—.122.
24. Добрыня и Марина (I, 38)—.101.
25. Добрыня и змѣй (оть Завьялова; I, 15)—.469.
26. Молодецъ и худая жена—.111.

Сверхъ того, Рябининъ помнилъ содержаніе, но былины не пѣлъ, о Рахтѣ Рагнозерскомъ (ср. II, 183). Приведенный репертуаръ Т. Г. Р-на интересенъ, помимо своей обнирности, еще тѣмъ, что въ немъ обращаютъ на себя вниманіе различные цифры стиховъ одной и той же былины въ различное время ихъ исполненія: былина имъ короче излагалась, когда она ее пѣлъ Н. Н. Рыбникову (1860 г.), нежели десять лѣтъ спустя, когда ее записывалъ оть него А. ѡ. Гильфердингъ. Фактическое содержаніе былинъ остается въ томъ и другомъ случаѣ однимъ и тѣмъ же: слѣдовательно, разницападаетъ, прежде всего, на обработку сюжета при помощи тѣхъ общихъ, „типичныхъ“ мѣстъ, о которыхъ говорилось раньше. Въ самомъ дѣлѣ, простое сопоставленіе другъ съ другомъ по записямъ Гильфердинга и Рыбникова, напр., былины о Вольгѣ и Микулѣ (у Г. № 73, у Р. № 3) показываетъ, что разница, прежде всего, заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ пѣвецъ пропустилъ общее типическое мѣсто, въ другомъ—добавилъ такое же мѣсто, въ одномъ—даетъ повтореніе, въ другомъ—обходится безъ него, наконецъ, одно типическое мѣсто замѣнилъ другимъ; такъ:

Гильфердингу Рябининъ пѣль:

Жиль Святославъ девяносто лѣтъ,¹
Жиль Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольга Святославовичъ.

Былъ у него родной дядюшка,¹⁶
Славный князь Владимиръ стольно-
киевской;

Жаловалъ его трема городама, все
крестьянами

Ѣхаль Вольга онъ до ратоя,³¹
День съ утра Ѣхаль до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ наѣхати.
А ореть-то въ полѣ ратай, пону-
киваешь,

А у ратоя сошка поскрипываетъ,
Да по камешкамъ омешики про-
чиркиваютъ.

Ѣхаль Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до пабѣдѧ,
Со своей со дружинушкой хороб-
рою,

Енъ наѣхаль въ чистомъ полѣ ратоя.

Этотъ оратай оратайшко⁸⁰
Гужики съ сошки онъ повыстенулъ
Да кобылку изъ сошки повывернулъ,
А со тою онъ сошки со клеповень-
кой,
А и оставилъ онъ туго сошку kle-
новую,
Онъ садился на кобылку соловецкую;
Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Пославному раздольницу чисту полю.
Говорилъ оратай таковы слова.

Они сошку съ земельки повыдер-
нутъ,⁸³
Изъ омешиковъ земельку повытирах-
нутъ,

Рыбникову же пѣль такъ:

Когда возсияло солнце красное
На это пебушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославовичъ.

Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольникіев-
скій

Тремя городами со крестьянами

Ѣхаль Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхаль Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ореть въ полѣ ратай, понукиваешь,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почерки-
ваютъ.

Ѣхаль Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдѧ,
Наѣхаль онъ въ чистомъ полѣ ратая.

Этотъ оратай оратайшко
Гужики шелковецкіи повыстенулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Снялъ онъ хомутки съ кобылушки,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говорить оратай таковы слова.

Сколиуть омешики булатній,
А и печимъ мнѣ буде крестьян-
ствовати.

Изъ сошки омешки новыколнуть,
Мнѣ нечѣмъ будѣтъ молодцу кре-
стянеовать.

Молодой Вольга Святославовичъ¹⁰¹
Посылаетъ тутъ два да три доб-
рыхъ молодца
Со своей съ дружинушки хороб-
роей
Да къ этой ко сошкѣ кленовень-
кой,
Чтобы сошку съ земельки повы-
дернули.

Если мы возьмемъ для сравненія еще былину о сорока кали-
кахъ (Г. № 86, у Р. № 13), изъ которой Рябининъ помнилъ
только отрывки, то получимъ еще болѣе наглядный примѣръ
обращенія его съ текстомъ: онъ почти механически относится
къ нему; вотъ этаотъ отрывокъ:

У Гильфердинга.

Да й ходили-то калѣки перехожіи,
А й лапотики на ножкахъ-то шел-
ковеніки,
Й у нихъ подсумки-ты сшиты съ
черна бархату,
Да во нихъ рукахъ-то клюхи кости
рыбьюю,
На головушкахъ-то шляпки земли
гречецкой.
Да й ходили молодцы они съ земли
въ землю,
Загуляли молодцы да къ королю
въ Литву,
Ко тому-то зашли къ королю къ
литовскому,
Заходили къ королю да й на ши-
рокой дворъ,
Становились молодцы да й посе-
редъ двора,
Супротивъ окошечка косявчата,
Попросили-то у короля милостинки,

Молодой Вольга Святославовичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки
хоробря
Пять молодцевъ могучіхъ,
Чтобы сошку съ земельки повы-
дернули.

У Рыбникова.

Ходили калики перехожіе изъ орды
въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою.
Лапотики на ножикахъ у нихъ бы-
ли щелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Во рукахъ были клюхи кости рыбь-
ея,
На головушкахъ были шляпки зе-
мли греческой.
Приходили они въ хоробру Литву,
Ко тому королю литовскому на
широкій дворъ,
Становились подъ косявчато окон-
шечко
И попросили-то они милостины:
„Ай же ты король литовскій!
„Сотвори-то намъ милостиину, ка-
ликамъ перехожімъ.
„Не рублямы мы беремъ и не пол-
тинаамъ,

Да Й воскрынули оны да громкимъ
голосомъ.
Громкимъ голосомъ крынули во
всю голову:
„Ай же батюшко король литовски!
„Сотвори, король, да намъ мило-
стинку,
„А и тымъ калѣкамъ перехожимъ:
„Не рублямы мы беремъ да не
полтинками,
„А беремъ-то мы цѣльма тысячицы“.
А Й отъ нихъ-то покрыковъ отъ
богатырскихъ,
Да Й отъ голосовъ отъ нихъ отъ
молодецкихъ,
А на теремахъ-то маковки покри-
вились,
А Й въ окошечкахъ околенки раз-
сыпались.
Поглянулъ король въ косявчато
окошечко,
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же вы мои слуги вѣрны!
— Да Й подите-тко вы на мой на
широкъ на дворъ,
— Не калѣки-то пришли не пере-
хожіи,
— Да принили богатыря къ намъ
святорусьской.

„Беремъ-то мы цѣльма тысячицы“. Отъ ихъ отъ покриковъ богатыр-
скихъ
Околенки во теремахъ поразсыпа-
лись,
Маковки во теремахъ покривились.
Король вводилъ ихъ во палаты
бѣлокаменны,
Кормилъ онъ ихъ юствушкой са-
харнею
И поилъ ихъ питьцемъ медвяны-
имъ,
И дарилъ имъ дары драгоценные.
Говорилъ король таковы слова:
„Не калики есте перехожіи,
„Есть вы русскіе могучіе богатыри“.

То, что въ текстѣ Рыбникова говорится объ угощениі и о
подаркахъ каликамъ, въ записи Гильфердинга (которая идетъ
далѣше: калики пообѣдали, поблагодарили и пошли въ Кіевъ),
встрѣчаемъ истиннѣйшее въ рѣчи литовскаго короля, а затѣмъ
въ видѣ повторенія и въ разсказѣ.

Но въ процессѣ передачи былиннаго текста проявлялъ иногда
Т. Г. Рябининъ и большее творчества и самостоятельности, раз-
вивая не только стилистическую его сторону, но и самое содер-
жаніе, хотя основную фабулу онъ сохранялъ неприкосновенной;
образцомъ такой обработки сюжета можно счесть у него былину
объ Ильѣ и его дочери (у Г. № 77, у Р. № 5): не говоря

уже о пропускахъ и дополненіяхъ стилистического характера то въ той, то въ другой передачѣ, мы видимъ перестройку уже болѣе существенную. Такъ, въ текстѣ Рыбникова онъ детальнѣе дорисовывается образъ поленицы, дочери Ильи Муромца: послѣ словъ: „Она ъхала, собака, насыщалася, не сказала Божьей помочи богатырямъ“ (Р. стихи 15—16, Г. 17—18), находимъ:

Проѣхала въ раздольице въ чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличеть,—выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника:
„Ежели Владимиръ князь стольно-кіевскій
„Не дастъ онъ мнѣ поединщика,
„Супротивъ меня да супротивника,
„Самого-то я Владимира подъ мечъ склоню,
„Подъ мечъ склоню, да голову срублю,
„Церныхъ мужиковъ-то всѣхъ повырублю,
„Божьи церкви всѣ на дымъ спущу“.
Стоять богатыри, пораздумались.

Вместо этого въ записи Г. только одна строка: „Ена ъдетъ прямо ѿзжею дорожкою къ стольне-Кіеву“. Въ слѣдующей далѣе рѣчи Ильи къ богатырямъ, которая у Г. вся сведена къ шести строкамъ и содержитъ вызовъ, кому ъхать перевѣдаться съ поленицею (стихи 21—26), найдемъ внесенные цѣлыхъ 20 стиховъ, гдѣ повторяется описание поленицы, сообщается о вызовѣ ею поединщика, но опущена угроза Владимиру и Кіеву. По Рыбникову, богатыри рѣшаютъ послать Алешу Поповича, по Гильфердингу, Алеша самъ вызывается:

Говоритъ-то тутъ Олещенъка Григорьевичъ:
— Я поѣду во раздольице чисто поле,
-- Посмотрю на поляницу на удалую.—

И далѣе, обрисовка поленицы, ея поведенія продолжается у Г., но отсутствуетъ у Р.: Добрыня, также не рѣшившійся вступить въ бой съ поленицей, подробно докладываетъ богатырямъ о наружности ея, обѣ ея похвалилъ и угрозахъ Кіеву и Владимиру. Въ этомъ же родѣ разработанъ текстъ и далѣе. Въ ре-

зультатѣ выросъ и самый объемъ былины въ этой ея обработкѣ: при нѣкоторыхъ пропускахъ сравнительно со старшимъ нересказомъ (Рыбникову) она достигла свыше 350 стиховъ.

Наконецъ, допускаль Т. Г. Рябининъ и еще болѣе рѣшительную работу творческаго характера надъ получаемыми имъ традиціонными текстами былинъ: онъ ихъ контаминировалъ, т.-е., соединяль различныя по сюжетамъ былины въ одну, естественно, при этомъ измѣненія и ту и другую, и т. о. вырабатывалъ совершенно иное произведеніе, нежели каждая изъ нихъ; такъ поступилъ онъ съ былиной объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ: Рыбникову онъ пропѣлъ эту былину въ обычной ея редакціи, а, десять лѣтъ спустя, Гильфердингъ записалъ отъ него ее уже въ радикальной переработкѣ: въ ней рядомъ съ Ильей введенъ и Ермакъ, конечно, подъ вліяніемъ такихъ былинъ, которыя сблизили оба эти образа (результатъ вліянія казачества и Смутнаго времени)¹, почему его „новая“ былина такъ и разрослась по объему: вместо прежнихъ 289 стиховъ она дала уже 616. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что отдѣльной пѣсни объ Ермакѣ или Ермакѣ и Ильѣ нѣть въ репертуарѣ Рябинина, нѣть въ другихъ его пѣсняхъ упоминанія объ Ермакѣ: видимо, онъ ее слышалъ отъ кого-либо другого (м. б., въ промежутокъ между 1860 и 1870 годами) и использовалъ для композиціи былины о Калинѣ.

Такимъ образомъ, на лицѣ Т. Г. Рябинина мы имѣемъ передъ собой не только памятника пѣсни, представителя стариннаго репертуара XVIII вѣка, но и талантливаго художника, вносившаго въ свои пѣсни, помимо обычной и у другихъ пѣвцовъ доли творчества, отражавшейся преимущественно на формѣ былины въ видѣ свободнаго примѣненія общихъ типичныхъ мѣсть, также и индивидуальная черты своего творческаго таланта: онъ, оставаясь въ рамкахъ традиціи, проложжалъ развитіе полученнаго имъ запаса былевой пѣсни, руководясь своимъ поэтическимъ на-

¹ Такая контаминація извѣстна, между прочимъ, и В. П. Щеголенку (Гильф. № 121), но иная.

строениемъ. Правда, новыхъ былинъ онъ не созидалъ, но вносилъ новое въ старую былину.

По обширности своего былинного репертуара Т. Г. Рябининъ, если и не представляя исключенія, то во всякомъ случаѣ былъ пѣвцомъ выдающимся: число сюжетовъ, ему известныхъ (отъ него записано ихъ, какъ мы видѣли, 26), превышаетъ обычное для сказителя, считающагося хорошимъ; такъ, изъ его современниковъ Щеголенокъ могъ дать 15 былинъ, Калининъ 14, Чуковъ 19, изъ слѣдующаго поколѣнія—И. Т. Рябининъ 15, Кривополѣнова 14 и т. д. Скончался Т. Г. Рябининъ въ 1885 году, достигнувъ т. о. глубокой старости.